

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-08

ББК 83

DOI 10.18522/1995-0640-2022-1-104-116

ДИНАМИКА ПРИНЦИПОВ ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Елена Александровна Селютина

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

Аннотация. Анализ принятых подходов в описании термина «литературный процесс» в отечественном литературоведении, традиционных конвенций в презентации литературного процесса, которые сложились в российском литературоведении под влиянием общемировых и локальных тенденций, приводит к выводу, что изучение литературного процесса как теоретической проблемы подошло к точке необходимости создания нового труда обобщающего типа, что связано с актуализацией и реактуализацией ряда методов.

Ключевые слова: *литературное направление, современный литературный процесс, литературоведение, теория литературы, методы литературоведения, литературный канон*

Для цитирования: *Селютина Е.А.* Динамика описания литературного процесса как теоретической проблемы в российском литературоведении // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 1. С. 104 – 116.

Original article

DYNAMICS OF THE PRINCIPLES OF DESCRIPTION OF THE LITERARY PROCESS AS A THEORETICAL PROBLEM IN RUSSIAN LITERARY STUDIES

Elena A. Selyutina

Chelyabinsk state institute of culture, Chelyabinsk, Russia

Abstract. One of the leading problems of modern Russian literary criticism is the development of grounds for describing the modern literary process as a complex interaction of new communicative conditions for the existence of artistic literature, new forms of its production and consumption. Since the sphere of literary studies has been searching for universal laws for describing artistic creativity for more than two centuries, and the poetics of literature was formed within the framework of various methodological schools, that are in a state of intense discussion, there are a number of approaches that put fundamentally different meanings into the same concept. The analysis of the accepted approaches in the description of the term “literary process” in Russian literary criticism, traditional conventions in the

© Селютина Е.А., 2022

presentation of the literary process that have developed in Russian literary criticism under the influence of global and local trends, leads to the conclusion that the study of the literary process as a theoretical problem has come to the point of the need to create a new work of a generalizing type, which is associated with the actualization and reactualization of a number of methods.

Key words: *literary movement, modern literary process, literary criticism, theory of literature, methods of literary criticism, literary canon.*

For citation: *Selyutina E.A. Dynamics of the Principles of Description of the Literary Process as a Theoretical Problem in Russian Literary Studies // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 1. P. 104 – 116.*

Введение

Одной из ведущих проблем современного российского литературоведения является выработка оснований для описания современного литературного процесса как сложного взаимодействия новых коммуникативных условий существования художественной словесности, новых форм ее производства и потребления. Так как сфера литературоведения более двух веков ищет универсальные законы описания художественного творчества, а поэтика литературы формировалась в рамках различных методологических школ (культурно-исторической, биографической, сравнительно-исторической и др.), находящихся в состоянии напряженной дискуссии, имеется некоторое количество подходов, которые в одно и то же понятие вкладывают принципиально различные значения. При этом существует ряд терминов, которыми литературоведение до последнего времени пользовалось как общеупотребимыми и очевидными. Речь идет о понятиях «литературное направление», «литературное течение», «литературная группа», «литературный метод», которые необходимы, с одной стороны, для описания более широкого понятийного поля «литературный процесс», а с другой – важны для характеристики творческой индивидуальности писателя.

Истоки очевидности использования этих терминов в современной науке находятся в той области истории теории литературы, которую можно назвать «советским наследием». При этом мы полагаем, что советское литературоведение в спорах с литературоведением XIX – начала XX в. вобрало в себя достижения «классических» школ, закрепив многие терминологические конвенции. Эти подходы позволяют литературоведам и в XXI в. описывать связи новейшего литературного процесса. Вместе с тем современная российская литература требует метапредметных усилий для ее анализа и дальнейшей литературоведческой презентации, так как за последние три десятилетия в ней произошли фундаментальные изменения. Неслучайно ранее современный литературный процесс входил в сферу анализа литературной критики, а не литературоведения.

Одновременно с этим резко расширилась научная география и в начале XXI в. в гуманитарные штудии были введены принципиальные для развития российского литературоведения работы П. Бурдые (работы о «литературном поле» [Бурдые, 2000]), Ф. Моретти (концепция «дальнего чтения» [Моретти, 2016]), Г. Блума (о литературном «каноне»

[Блум, 2017]) и др. Кроме того, важным моментом мы должны полагать появление новых терминов, применимых к современной литературе, проблема использования которых заключается в конфликте между концепциями стадильной смены художественных эпох и противоположного подхода, «внеминалистического», где важен тип художественного мышления. И хотя преодоление этого конфликта было осуществлено в коммуникативном подходе к художественной словесности и в теории художественных дискурсов, при появлении новых элементов системы описания литературного процесса, в частности терминов «канон» и «метамодернизм», все отношения внутри нее нуждаются в пересмотре, поэтому поставленная проблема актуальна.

Цель данного исследования – анализ принятых подходов в описании литературного процесса в отечественном литературоведении, традиционных конвенций в презентации литературного процесса, которые сложились в российском литературоведении под влиянием общемировых и локальных тенденций, а также в динамике содержательного аспекта терминов, описывающих литературный процесс. *Материалом исследования* являются литературоведческие труды, показательные для исследования практики применения терминов, учебные пособия по теории литературы, имеющие обобщающее значение, описывающие литературный процесс как теоретическую проблему с различных методологических позиций, а также работы советского и постсоветского (1990-е гг.) литературоведения, необходимые для уточнения накопительного эффекта в упрочении терминосистемы современного литературоведения, и некоторые новейшие труды по теории литературы, демонстрирующие дискуссионные аспекты исследуемой нами проблемы.

Специфика исследуемого материала – принципиальная разница в том, с какой временной точки описывается литература, какая художественная словесность для автора теоретического труда будет считаться современной (литературный процесс 1990-х, 2000-х и далее или же тексты, написанные во второй половине XX в. мы должны также понимать как «современные»).

Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование историко-литературного и сравнительно-типологического методов. Результаты исследования важны также в контексте понимания сложности самоидентификации авторов в культуре, когда творец все чаще в публичных дискуссиях отказывается от понимания себя как части чего-то большего (например, литературной группы или течения), позиционируя себя как уникальный культурный продукт, а социум репрессивно навязывает принятые конвенции, которые сложились благодаря работе литературоведов (и литературных критиков) в течение долгого времени.

Исследование и его результаты

Вопрос, рассматриваемый нами, является составной частью исследований о новейшей художественной словесности в России, ряд важных

положений об истоках проблемы реконфигурации литературоведческой терминосистемы можно найти в исследованиях М. Черняк, И. Сухих, Т. Венедиктовой, Д. Бака, Б. Дубина, М. Бондаренко и др. Поэтому некоторые общие причины динамики сферы российской художественной словесности исследованы в достаточной степени. Мы должны зафиксировать встречные тенденции в исследуемой проблеме, которые одинаково важны, осуществляют взаимное влияние.

Во-первых, сформулированы условия, в которых существует литература как таковая. Фронтальному изучению новых условий существования литературы посвящены регулярные научные семинары «Культуроводы», проводимые в разные годы Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) и др., за время проведения научных мероприятий были описаны кросс-культурные связи литературы, изменение читателя и феномена авторства [Абашев, Абашева, 2018]. Для нас важным является тот факт, что формулирование новых условий существования литературы было сделано с учетом новых методологических подходов и концепций, которые являются предметом анализа в нашей статье. Как следствие, изменился инструментарий оценки новых явлений в литературе.

Зафиксировано изменение в российском писательстве как культурной практике. М.А. Черняк в учебном пособии «Селфи на фоне эпохи» отмечает: «Сфера производства художественных текстов резко утратила социальный престиж, а лишение литературы социальных привилегий нанесло ощутимый удар по самоидентификации участников литературного процесса» [Черняк, 2020, с. 15]. Определив эту тенденцию в отношении современной литературы конца 1990-х гг., Черняк отмечает, что в 2000-х практика производства текстов приобрела черты субкультуры, а благодаря новым культурным практикам и коммуникативным каналам литература стала более технологичной и прагматичной сферой.

Во-вторых, необходимо учитывать так называемый «поворот к читателю», т.е. социальный и коммуникативный аспекты существования литературы. Неслучайно Т. Венедиктова, например, ориентируясь на труды П. Бурдьё, выделяет новых акторов «литературного поля» – читательские сообщества, по ее мнению, заменяющие одновременно и литературные салоны, и литературную критику [Венедиктова, 2018, с. 13]. Художественная литература понимается в контексте «литературной системы» [Черняк, 2020, с. 16], т. е. в процессе «воспроизводства» в социальном аспекте. М. Бондаренко предлагает при построении модели современного литературного процесса использовать положения «рефлексивной социологии» Пьера Бурдьё, а также модель инновационной динамики культуры Бориса Гройса [Бондаренко, 2003]. Модель связей литературного произведения серьезным образом усложнилась, поэтому выбор одного вектора анализа из многих часто ведет с видимой неполноте описания.

Итак, учитывая все вышеописанные изменения всей сферы художественной словесности, покажем важные тенденции в подходах к опи-

санию литературного процесса, которые можно считать требующими пересмотра и уточнения. Конвенции, существовавшие в теории литературы до последних десятилетий, работают с тем, что Ф. Моретти называет «close reading» («медленное, пристальное чтение») [Моретти, 2016, с. 83], т. е. осмысление позиции автора, его интенций, выразившихся в специфической художественной форме. На наш взгляд, то, что мы назвали выше «советским наследием», дало ряд терминов, инерция использования которых есть и в современном литературоведении.

Долгое время в описании литературного процесса ведущим было понятие «художественный метод», когда творческая стратегия писателя приравнивалась к «методологии», исследованию мира («художественное постижение действительности»). Такая точка зрения отражена в ряде работ советского времени, в том числе и в учебниках по теории литературы. Важно учитывать факт, что советское литературоведение этого периода не склонно строить учебники и учебные пособия вокруг идей, разработка которых велась во второй половине XX в., наиболее влиятельных уже в постсоветский период, мы имеем в виду работы гартусско-московской школы и исследования, которые велись на кафедре русской и зарубежной литературы КемГУ, а затем на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ. Окончательное формирование теории художественного метода произошло вокруг программной статьи Л.И. Тимофеева «О понятии художественного метода» 1960 г., вошедшей в сборник научных трудов «Творческий метод»: «Мы соотносим художников не по отвлеченным общим принципам их подхода к действительности (реализм и т.п.), а по конкретным, исторически обусловленным творческим их тенденциям (идеалы, типы героя и т.п.). Вот эти строго исторически обусловленные и единые для ряда близких друг другу художников творческие принципы мы и рассматриваем как художественный метод» [Тимофеев, 1960, с. 45]. Разница между «течением» и «методом» – историческая обусловленность первого, субъективное отношение к действительности во втором. В основе подхода Тимофеева – достижения сравнительно-исторического и социологического методов. Автор концепции предлагал отказаться от термина «литературное направление»: «Мы избегаем понятия “литературное направление”, поскольку в дооктябрьской критике оно весьма часто обозначало то, что теперь называют методом» [Тимофеев, 1976, с. 87]. Соответственно, современный литературный процесс (середина XX в. для времени создания научного труда) описывается как окончательное упрочение художественного соцреалистического метода.

Именно такой подход является основой теоретического трёхтомного труда «Теория литературы», издававшегося с 1962 по 1965 г., который позиционировался авторами как экспериментальный ввиду того, что жанр обозначен авторами как «коллективный труд» (среди авторов Ю. Б. Борев, С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев и др.) [Теория литературы, 1965]. Индивидуальность автора рассматривается как часть исторического формирования самого искусства и принцип описания литературного

процесса как научной проблемы в главе, написанной В.Д. Сквозниковым, «Творческий метод и образ», совпадает с позицией Л. И. Тимофеева. Формула «идейные убеждения + художественное мышление» обосновывала формально-содержательные принципы автора или группы авторов. Этот взгляд на проблему сохранялся на протяжении длительного времени и его варианты есть в теоретических изданиях 1970-х гг. и более позднего времени [Гуляев, 1977].

Делая предварительные выводы, мы можем говорить, что к началу 1980-х гг. статус понятий «течение», «направление», «процесс» был окончательно закреплён, перемещаясь из одного учебника в другой. Эти термины устанавливали связи в общей системе литературоведения, описывая соотношение индивидуального и надиндивидуального в теории художественных стилей. Тем не менее, советское литературоведение признавало существование иных подходов (с известной долей их критики). В «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена, которая вошла в контекст осмысления литературных феноменов в СССР в 1978 г. (хотя была создана ещё в середине XX в.) и повлияла на последующие учебные пособия, описание истории литературы через историю общественной жизни видится методологической ошибкой. «Определить точное место каждого произведения искусства в некоей традиции – вот первая задача литературной истории» [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 277]. Авторы видели перспективы написания истории литературы через теорию жанров, через имманентное изучение произведений одного автора, но отрицали «номиналистский подход», набрасывающий хронологическую сетку на литературное развитие. Поэтому для описания литературного процесса более подходящим термином они полагают «движение» (когда автор отчетливо демонстрирует смысл своей деятельности через манифесты), и отрицают термин «период» («период есть отрезок времени, в котором нам видится некое единство; совершенно очевидно, что это единство может быть только величиной относительной. Это значит, что в определенный период времени известная схема норм реализовалась наиболее полно» [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 284]).

С конца XX в. в российском литературоведении начался пересмотр отношения к наполнению понятия «литературный процесс», были предложены новые термины, поменялся удельный вес составных частей этого теоретического поля. Не в последнюю очередь это связано с работами отечественных и зарубежных ученых, работавших в рамках структурализма (структурно-семиотической школы) и деконструктивизма (включая нарратологию). Таким образом, в конце XX – начале XXI в. начинается период критики конвенций и советского и постсоветского литературоведения, которые мы описали выше, и одновременно период накопления новой терминологии в российском литературоведении. Система литературоведения начинает перестраиваться и становиться максимально плюральной. Приходит понимание, что теория, также как и сама литература и литературная критика, не может быть беспристрастной. Таким образом, субъективный подход перестал быть принад-

лежностью критики и стал маркером методологического подхода литературоведа.

Важную роль сыграли переводы зарубежных теоретических работ на русский язык и активное их обсуждение применительно к актуальному литературному процессу. На русский язык были переведены работы Ж. Дерриды, Ж. Лакана, В. Изера, Э. Шоултер и многих других [Современная литературная теория, 2004; Французская семиотика, 2000], а также некоторые учебники по теории литературы, представляющие методы новейшего литературоведения. Дискуссии шли в специализированных журналах (например, в «Новое литературное обозрение» и «Вопросы литературы»), обсуждались новые переведенные работы (Й. Брокмейер, Р. Харре, Д. Кавелти, Р. Барт и др.). Новая литературная карта России переосмыслилась в соответствии с идеями новых теорий.

Так, например, на русский язык была переведена теоретическая работа А. Компаньона «Демон теории» (написана в 1998 г.), в которой не учтены важнейшие для литературоведения в России труды Ю.М. Лотмана, Б.Н. Успенского и многих других ученых, но автор прекрасно осведомлен о формальном методе, работе Пражского лингвистического кружка. Теория литературы А. Компаньона нарушает привычную структуру подобного рода трудов: автор описывает теоретические концепты с опорой на их постепенное формирование в русле дискуссий современной ему гуманитаристики (литературной теории, т.е. научных школ второй половины XX в., прежде всего французских и американских): его интересуют понятия «литература» (литературность), «автор» (интенция), «внешний мир» (репрезентация), «читатель» (рецепция), «стиль», «история», «ценность» [Компаньон, 2001]. Для российского литературоведения того времени эта работа нетипична, так как не предполагает нейтральную позицию: автор открыто полемизирует с подходом к теории литературы как к «хрестоматии идей» – теории литературы. Современный литературный процесс для Компаньона – это, прежде всего, постмодернизм, поэтому связи литературных текстов описываются совершенно иначе, не как стадийная смена, а как интертекстуальность и металитературность. Поэтому термин «литературный процесс» автором не используется, а взамен предлагаются понятия «литературное развитие», «литературная история» и «литературная эволюция» [Компаньон, 2001, с. 229]. А тот подход, который предлагался в советское время и который автору работы прекрасно известен, т.е. литературный процесс как детерминированное историей явление, определяется как «генетическая иллюзия», так как он не способен объяснить специфическую природу литературы как особого вида искусства [Компаньон, 2001, с. 229].

Если А. Компаньон сосредоточен на современной ему европейской и американской теоретической мысли, то также с позиций структурализма, но с опорой на советский литературоведческий опыт написано «Введение в теорию литературы» Е. Фарино (написано в 1978–1980 гг., доработано в 1991). Поэтому перевод и издание его труда в 2004 г. представляет собой сумму взглядов ученых Центральной и Восточной Ев-

ропы на историю и теорию литературы: автор активно ссылается на работы Ю. М. Лотмана, В.В. Иванова, А.К. Жолковского, а литературный процесс понимает как «наиболее удачный вариант истории литературного процесса такой, который учитывает диалектику каждого очередного этапа, каждого очередного состояния литературы, принимает во внимание действующие в данный период системы иерархии литературных текстов, системы ценностей, отрицаемые и постулируемые противоположными ориентациями» [Фарино, 2004, с. 58].

Направленческий подход оказывается рабочим в учебнике В.Е. Хализева «Теория литературы» (первое издание появилось в 1999 г., учебник многократно переиздавался). Подход к описанию терминосистемы глобальной категории «литературный процесс» ведется с позиции сравнительно-исторического литературоведения, поэтому под литературным процессом понимается, с одной стороны, «литературная жизнь определенной страны и эпохи (во всей совокупности ее явлений и фактов), с другой – «многовековое развитие литературы в глобальном, всемирном масштабе» [Хализев, 1999, с. 356–357]. Учёный предлагает учитывать стадиальность литературного развития, связанную с общими закономерностями развития европейских литератур, динамические и стабильные факторы в описании литературного процесса, учитывает региональные, национальные и международные связи текстов, а также предлагает термин «художественная система (литературная общность)» как основной для понимания литературных общностей XIX – XX веков. Учебник Хализева создается в момент пересмотра тех конвенций, о которых мы писали выше, поэтому ученый отмечает ожесточенную дискуссию вокруг понятия «реализм» во всех его вариациях (классический реализм, критический реализм, социалистический реализм), связанную с пересмотром советской теории литературы. Понятия «литературное направление» и «литературное течение» включаются в контекст изучения национальных литератур, а художественная система должна быть проанализирована как факт международных литературных общностей [Хализев, 1999, с. 370].

Принципиально иной взгляд был сформулирован в учебном пособии «Теория литературы», созданном на кафедре теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ, в котором авторы используют понятие «парадигма художественности». Этот подход был сформулирован в иных исторических условиях (это постсоветское литературоведение, авторы работали над ним в 1990-е гг.) и его уже можно считать принципиально разомкнутым по отношению к мировым научным идеям второй половины XX в., т.е. вобравшим в себя идеи структурно-семиотической школы, структурализма и деконструктивизма. Вслед за Т. Куном, обосновавшим понятие «научная парадигма», В.И. Тюпа полагает: если художественность понимается как коммуникативное содержание общения людей («Литература есть жизнь человеческого сознания в семиотических формах художественного письма» [Тамарченко, 2004, с. 93]), то необходимо учитывать в опреде-

лении понятия «художественное направление» и фигуру читателя: «художественные направления <...> – это культуурообразующие единения многих сознаний. <...> Появление и укрепление в общественном сознании каждой новой такой парадигмы совершается в строгой стадиально-исторической последовательности, именуемой обычно *литературным процессом*» (курсив автора. – Е. С.) [Тамарченко, 2004, с. 93–94]. Выделив субъект, предмет и адресат художественной деятельности, ученый показал зависимость смены парадигмы от появления новой коммуникативной стратегии. Все «направленческие» коммуникативные стратегии определяются им как инновационно-стадиальные (это романтизм, постромантизм, модернизм). Таким образом, понимание писательства как культурной практики может быть зафиксировано как деятельностный подход, который, учитывая коммуникативную природу искусства, серьезно повлиял на расширение предметов описания литературного процесса, при этом связав термин «парадигма художественности» с общим понятием о литературном процессе. Следуя дискурсивному подходу, можно изучать словесность в контексте различных дискурсов, связанных с массовой современной культурой, массмедиа, полидискурсивностью интернет-среды (новые медиа) и т.п.

Влиятельность позиции вышеописанного теоретического труда оказалась столь велика, что переводчик Т. Иглтона Елена Бучкина в 2010 г. в предисловии к его труду «Теория литературы: введение» резко высказывается о несамостоятельности современного литературоведения, отмечая, что «фактически его развитие не носит самостоятельного характера и зависит от западных влияний. В нём почти безраздельно царят две школы, чьи труды начиная с конца 90-х переводились на русский язык с небывалой активностью: герменевтика и постструктурализм» [Бучкина, 2010, с. 9]. Признавая правоту данного суждения, очевидную, например, и в отношении гендерных исследований, базирующихся на современном марксизме или психоанализе, или нарративных исследований, когда термин «нарратив» стал применяться к многообразным областям гуманитарного знания, объем которых в российской науке вообще чрезвычайно возрос, отметим и иную тенденцию: с конца 1990-х гг. (т.е. уже отчасти в теоретических построениях учебников Хализева и Тамарченко) реновацию пережили отечественные литературные школы, появившиеся еще в досоветский период литературоведения, в советское время активно критикуемые. В частности, по-новому были осмыслены работы русских формалистов, которые теперь понимаются как предтеча всех тенденций европейского и американского литературоведения от Р. Барта до Д. Сёрла. Этому во многом способствовала деятельность журнала «Новое литературное обозрение», сформулировавшего подход не только к отбору литературного материала (авторы, ранее не входившие в сферу интересов литературоведов), но и к принципам его анализа [Селютина, 2019].

Специфика интенции этой реновации в том, что она произошла во многом за счет апелляций авторитетных зарубежных ученых, которых

перевели только в XXI в., к работам российских ученых. Так, например, нарратолог В. Шмид ссылается на теории сюжета и мотива Б. Томашевского [Шмид, 2003], а марксист Т. Иглтон связывает теоретическую революцию в гуманитаристике с именем В. Шкловского [Иглтон, 2010]. Были переосмыслены труды М. Бахтина, Ю. Тынянова, Р. Якобсона и многих других.

Реабилитируется социологический подход в литературоведении, взятый вне контекста идеологической борьбы, соотносимой собственно с марксистским пониманием класса. В 2010 г. в России была издана «Теория литературы: введение» Т. Иглтона, британского литературоведа-марксиста, работы которого известны в нашей стране с начала XXI в. Первое издание «Теории литературы» появилось в 1983 г. и активно обсуждалось за рубежом, но для российского научного контекста работа была актуализирована переводом. По словам Иглтона, подход к описанию литературного процесса, который сформулировали, например, Уэллек и Уоррен, невозможен, поскольку «так называемый “литературный канон”, незабываемая “великая традиция” “национальной литературы” должна быть осознана как конструкт, сформированный конкретными людьми под влиянием конкретных обстоятельств в определённое время. Не существует литературного произведения или традиции, которые обладали бы ценностью сами по себе, безотносительно к тому, что кто-то мог высказать или собирается высказать о них» [Иглтон, 2010, с. 31–32]. Тем самым мы видим в работах этого автора своеобразный возврат к направленные теориям советского литературоведения, с поправкой на подход к стадийному развитию литературы: Иглтон, анализирующий, прежде всего, британскую словесность, конечно, не считает венцом развития литературы соцреализм.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод: изучение литературного процесса как теоретической проблемы в российском литературоведении подошло к точке необходимости создания нового труда обобщающего типа, что связано с актуализацией и реактуализацией литературоведческих трудов в связи с переводом или изменившимся идеологическим и эстетическим климатом в сфере гуманитаристики, а также новыми образцами художественной словесности в современном литературном процессе, которые не поддаются группировке по предложенным в теоретических работах основаниям. Несмотря на сильную инерцию советского литературоведческого наследия, вызванную принятой унификацией подхода к описанию данного понятия на протяжении десятилетий, в новейшем литературоведении идет работа по анализу материала, который потенциально дает возможность сделать выводы о продуктивности использования этой категории при анализе текстов прошлых эпох, а также при различных подходах к новейшим текстам. В теоретических и научно-учебных источниках, проанализированных нами, изучение литературного процесса включает в себя литературный материал, ко-

торый, в связи с изменившимися темпами производства художественной словесности, можно отнести лишь к области новейшей, но все же истории литературы, и как следствие, литературоведение осознает необходимость формулировки новых оснований для включения авторов в широкий контекст группы, течения или направления с учетом достижений нарратологии, социологии литературы и др., чем и обусловлены теоретические дискуссии в научной периодике с начала XXI в. и до наших дней. Можно полагать, что сформулированная проблема станет ближайшей перспективой в решении вопроса о соотношении индивидуального и надындивидуального в современном литературном процессе, когда привычные факторы его описания перестают быть рабочими и все большее значение приобретает проблема самоидентификации творца.

Литература и источники

Абашев В. В., Абашева М. П. Поверх барьеров: трансфикциональность, интермедийность, трансмедийность как стратегии современной культуры // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 19–37.

Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.

Бондаренко М. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // Новое литературное обозрение. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/tekushhij-literaturnyj-proczzs-kak-obekt-literaturovedeniya.html> (дата обращения 05.09.2021)

Бурдые П. Поле литературы / пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 5. С. 22 – 87.

Бучкина Е. Литературоведение, меняющее литературу (предисловие переводчика) // Иглтон, Т. Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкиной под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 7 – 14. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

Венедиктова Т. Литература как опыт. «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: НЛО. 2018. 271 с.

Гуляев Н.А. Художественный метод, направление, стиль // Гуляев, Н.А. Теория литературы: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1977. 278 с.

Иглтон Т. Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкиной; под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 296 с.

Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл / пер. с фр. и предисл. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели; науч. ред. перевода И. Кушнарера. М.: Изд-во Института Гайдара. 2016. 352 с.

Селютина Е.А. «Другая критика» и новейшее литературоведение: идея «пересмотра» литературных репутаций в деятельности журнала «Новое литературное обозрение» // Уральский филол. вестн. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2019. № 3. С. 12–19.

Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М.: Флинта: Наука, 2004. 344 с.

Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 513 с.

Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: в 3 тт. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; Ред. коллегия: Г. Л. Абрамович и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1965. Т. 3. 503 с.

Тимофеев Л.И. О понятии художественного метода // Творческий метод: сб. статей / Акад. наук СССР. Ин-т философии [Общая ред. и сост. В. А. Разумного]. М.: Искусство, 1960. 344 с.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение. 1976. 548 с.

Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / пер. с англ. Б.А. Гиленсона. М.: Прогресс, 1978. 325 с.

Фарино Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.

Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 536 с.

Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1999. 400 с.

Черняк М., Саргсян М. Селфи на фоне эпохи: библионавигатор по современной литературе: учебное пособие. М.: РШБА, 2020. 352 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. (2018). Over the Barriers: Transfictionality, Intermediality, Transmediality as Strategies of Modern Culture. *Cult Goods: Mass Literature of Modern Russia between Letter and Number: Collection of scientific articles*. St.-Petersburg, Publishing house of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, pp. 19-37. (In Russian).

Bloom G. (2017) *Western canon. Books and school of all times*. Transl. from English. D. Kharitonova. Moscow, New Literary Review. 672 p. (In Russian).

Bondarenko M. (2003). Current Literary Process as an Object of Literary Studies. *New Literary Review*, no. 4. [Electronic resource]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/tekushhij-literaturnyj-proczzs-kak-obekt-literaturovedeniya.html> (accessed 05.09.2021). (In Russian).

Bourdieu P. (2000). Field of Literature. Transl. from French by M. Gronas. *New Literary Review*, no. 5, pp. 22-87. (In Russian).

Buchkina E. (2010) Literary Studies that Changes Literature (Translator's Foreword). *Eagleton, T. Theory of Literature: Introduction*. Transl. by E. Buchkina, ed. M. Mayatsky and D. Subbotin. Moscow, Publishing House "Territory of the Future", pp. 7-14. (Series "University Library of Alexander Pogorelsky"). (In Russian).

Chernyak M., Sargsyan M. (2020) *Selfie against the backdrop of the era: a biblionavigator for modern literature: a textbook*. Moscow, RSHBA. 352 p. (In Russian).

Farino E. (2004). *Introduction to Literary Studies: Textbook*. St.- Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen. 639 p.

French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism (2000). Transl. from French. G.K. Kosikov. Moscow: Progress Publishing Group. 536 p. (In Russian).

Gulyaev N.A. (1977). Artistic method, direction, style. *Gulyaev, N.A. Theory of Literature*. Moscow, Vysshaya shkola. 278 p. (In Russian).

Iglton T. (2010). *Theory of Literature: Introduction*. Transl. E. Buchkina, ed. M. Mayatsky and D. Subbotin. Moscow, Publishing House "Territory of the Future". 296 p. (In Russian).

Khalizev V. E. (1999). *Theory of Literature: A Textbook for High Schools*. Moscow, Vysshaya shkola. 400 p. (In Russian).

Kompanion A. (2001). *Demon theory: literature and common sense*. Transl. from French and foreword. S. Zenkin. Moscow, Sabashnikov Publishing House. 336 p. (In Russian).

Literary Theory: Basic Problems in Historical Coverage (1965): in 3 vols. Acad. sciences of the USSR. A.M. Gorky Institute of World Literature; Ed. collegium: G. L. Abramovich and others. Moscow, Publishing House of Academy of sciences of the USSR. Vol. 3. 503 p. (In Russian).

Modern literary theory. Anthology (2004). Comp. I.V. Kabanova. Moscow, Flinta: Science. 344 p. (In Russian).

Moretti F. (2016) *Further reading*. Ttransl. from English. A. Vdovin, O. Sobchuk, A. Sheli. Scientific editing and translation by I. Kushnarev. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute. 352 p. (In Russian).

Schmid W. (2003) *Narratology*. Moscow, Languages of Slavic culture. 312 p. (In Russian).

Selyutina E.A. (2019). "Other Criticism" and the latest literary criticism: the idea of "revision" of literary reputations in the activities of the journal "New Literary Review". *Ural Philological Bulletin. Series: Russian Literature of the 20th-21st Centuries: Directions and Currents*, no. 3, pp. 12-19. (In Russian).

Tamarchenko N.D., Tyupa V.I., Broitman S.N. (2004). *Theory of Literature: Vol. 1. Theory of Artistic Discourse. Theoretical poetics*. Moscow, Academy. 513 p. (In Russian).

Timofeev L.I. (1960) On the concept of artistic method. *Creative method: Collection of articles*. Academy of sciences of the USSR. Institute of Philosophy; [General ed. and comp. V. A. Reasonable]. Moscow, Art. 344 p. (In Russian).

Timofeev L.I. (1976). *Fundamentals of the theory of literature: Textbook for students of pedagogical universities*. Moscow, Prosveshchenie. 548 p. (In Russian).

Welleck R., Warren O. (1978). *Theory of Literature*. Transl. from English. B.A. Gilenson. Moscow, Progress. 325 p. (In Russian).

Venediktova T. (2018). *Literature as experience. "Bourgeois reader" as a cultural hero*. Moscow, UFO. 271 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Елена Александровна Селютина – канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры литературы и русского языка, L22502@yandex.ru

Information about the author

Elena A. Selyutina – Ph.D. of Philology, associate professor, leading research worker, chair of literature and the Russian language.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted 18.09.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 21.01.2022.